

стоте богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати?». В нем высказаны открытые опасения по поводу логики, которая связана с «лукавыми иезуитами»: «Егда услышат латинское учение в Москве наченшеса, врази истины. . . лукавии иезуиты подвидут и неудобопознаваемая своя силлогисмы, или аргументы душеглительныя начнут злохитростно всевати, тогда что будет? . . . Любопрения, потом (пощади боже) отступления от истины, яже страждет или уже и пострада Малая Россия».²²

В отношении к методу доказательства и должно видеть специфические черты в противоположаемых писательских типах. Если с этой точки зрения рассмотреть наиболее видных литераторов 70—80-х годов, получится следующая картина. На левом крыле окажется Андрей Белобоцкий, люблинец и панлогист. В его представлении истина — одна. Любое положение веры, как догматическое, так и этическое, может быть доказано с помощью доводов разума. Среднюю позицию займут Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев. Они пользуются диалектикой и логикой, но некоторые истины религии принимают без исследования. У Симеона Полоцкого каждое стихотворение — силлогизм, однако роль посылки может выполнять буквально заимствованная из Писания цитата, «фема». Справа находятся грекофилы — Елифаный Славинецкий и Евфимий, которые стремятся к чисто количественному накоплению знания, не посягая на дух и букву традиции. Это — типичные православные ортодоксы.

Православная церковь всегда исходила из того, что она доказывает свою непогрешимость самим бытием своим. Отсюда преобладание катехизического способа убеждения: ставится вопрос — следует ответ. Свободное обсуждение не допускается. «Остен» — это книга катехизического типа. Поскольку она обличает ересь, которая воздвигалась в лоне церкви, ее авторы прибегают к доказательству от авторитета. Из Писания и Предания выбирается то, что годится в данном случае. Так как Писание темно, а Предание разноречиво, то каждая из спорящих сторон может воспользоваться таким методом. Такой спор, строго говоря, не может иметь положительного исхода. В нем побеждает тот, кто сильнее. В данном случае дело решила позиция Иоакима. У патриарха вряд ли было собственное убеждение о времени евхаристии. Современники из самых разных партий изображали его едва грамотным человеком. Князь В. В. Голицын «дивился о патриаршей дурости», а расколоучитель дьякон Федор так рассказывал о представлении Иоакима в архимандриты Чудова монастыря — это была последняя ступенька перед патриаршей кафедрой: «Яким же сказа: аз-де государь не знаю ни старыя веры, ни новыя, но

²² Цит. по кн.: Г. Миркович. О времени пресушествования св. даров. Спор, бывший в Москве во второй половине XVII века. (Опыт исторического исследования). Вильна, 1886, стр. 17.